

Илья ЭРЕНБУРГ

Французские
тетради

ИЗДАНИЕ

Эмигранты

Илья Эренбург
Французские тетради

«Издательство АСТ»

1957

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Эренбург И. Г.

Французские тетради / И. Г. Эренбург — «Издательство АСТ»,
1957 — (Эмигранты)

ISBN 978-5-17-155359-3

Илья Эренбург (1891–1967) – писатель, поэт, журналист, переводчик с французского и испанского языков, общественный деятель. Из всех стран Европы он наиболее тесно был связан с Францией – и тем, что дольше всего там жил, и тем, что лучше всего знал и чувствовал ее язык, культуру, историю. «Французские тетради», написанные в 1957 году, произвели фурор в литературных кругах – знаменитый эренбургский эзопов язык, острые высказывания и глубокие размышления вызвали большой интерес у читателей. Почему Гюго и другие писатели того времени скептически относились к творчеству Стендаля? Как Пикассо пришел из академизма к кубизму, став новатором? За что любили и ненавидели друг друга импрессионисты? И что же такое французская культура и ее наследие в мировой цивилизации? Эренбург отвечает на эти и многие другие вопросы, открывая заново Францию и самых ярких ее представителей.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155359-3

© Эренбург И. Г., 1957
© Издательство АСТ, 1957

Содержание

Илья Эренбург и Франция	7
1. Немного истории	8
2. На пути к мемуарам	11
3. «Уроки Стендаля» (поклонники и противники)	13
4. «Французские тетради» выходят	16
Французские тетради. Заметки и переводы	19
О некоторых чертах французской культуры	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

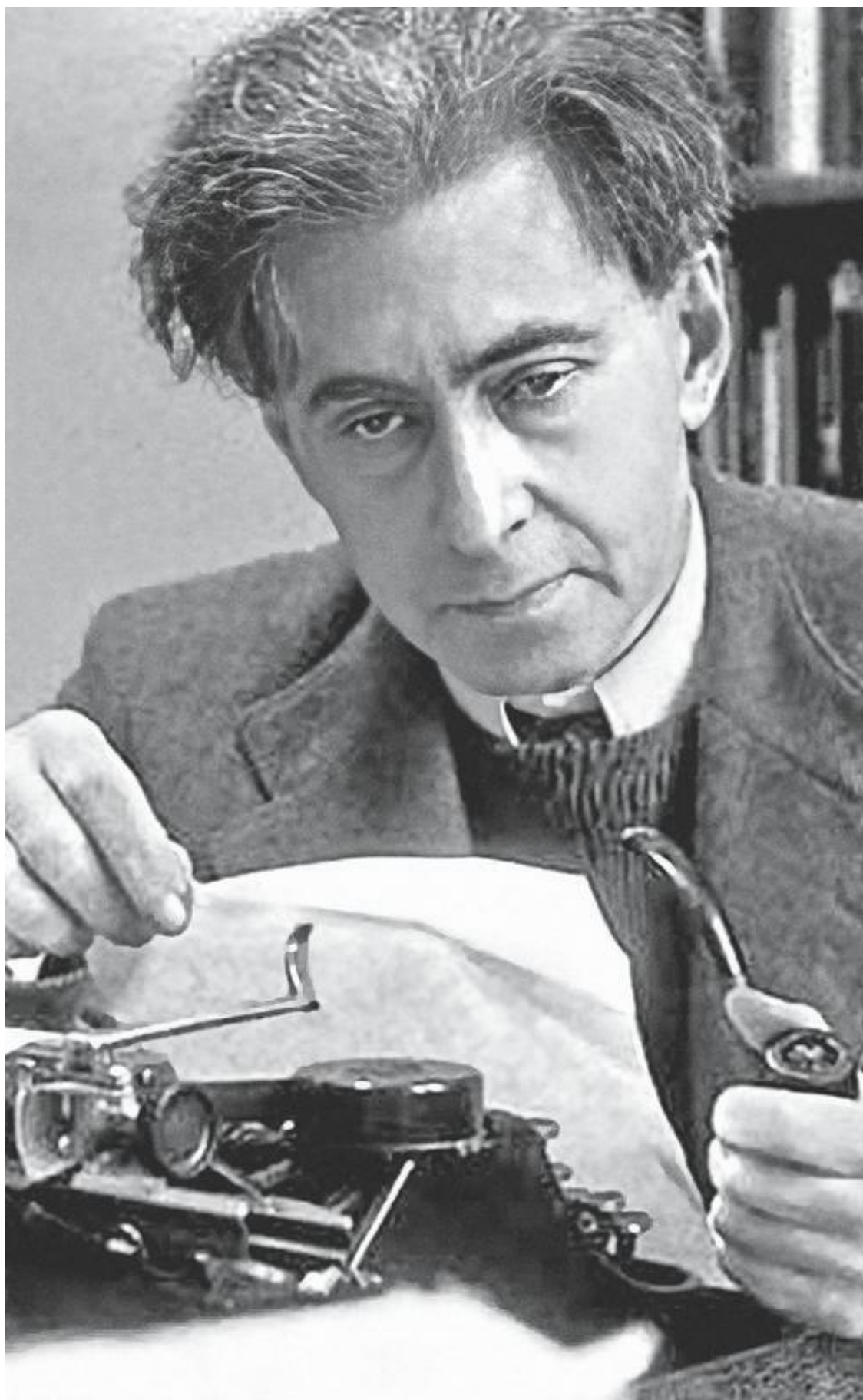
Илья Григорьевич Эренбург

Французские тетради

© И.Г. Эренбург, текст (наследники), 2023

© Б. Фрезинский, вступит. ст., дополнения (наследники), 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Илья Эренбург и Франция

*Прости, что жил я в том лесу,
Что все я пережил и выжил,
Что до могилы донесу
Большие сумерки Парижа...*

Илья Эренбург (1945)

Из всех стран Европы наиболее тесно Илья Эренбург был связан с Францией – и тем, что дольше всего там жил, и тем, что лучше всего знал и чувствовал ее язык, культуру, историю, ближе всего был знаком (и часто дружен) с выдающимися ее писателями, поэтами, художниками, политиками. Он приехал во Францию юношей – один, почти без языка и без средств. Впечатления и ощущения оказались очень сильными. Со временем он хорошо разобрался во французском национальном характере – понял его со всех сторон, создал немало и привлекательных, и сатирических образов французов. Полнота этого знания никак не поколебала его горячей любви к Франции. Начав заниматься литературой, Эренбург дал себе зарок – никогда не писать по-французски: боялся потерять русскую речь. Но от французской культуры он не только не отсоединялся, но с годами стал единственным в своем роде полпредом французской культуры в России, как и русской – во Франции.

1. Немного истории

Первый период жизни Ильи Эренбурга во Франции: 1908–1917 годы – его политическая эмиграция. Он приехал в Париж в декабре 1908 года, после того как родителям удалось под залог выхлопотать для него право покинуть Россию для лечения (первую половину 1908 года он провел в тюрьмах, вторую – в ссылках; все это по обвинению в социал-демократической деятельности). Жандармы отпустили Эренбурга на время – до судебного разбирательства, но в 1910 году Эренбург в суд, который грозил ему каторгой, не явился, залог был конфискован. Амнистия (1913) его не коснулась, и вплоть до революции 1917 года он жил во Франции. Биографически этот период делится на две хронологически неравные части: социал-демократическую (1908–1909) и литературно-богемную (1910–1917).

Эренбург выбрал Францию (а не Германию, как хотела мать) не столько из-за языка, который немного знал, сколько потому, что Париж был тогда зарубежным центром русской социал-демократии. Семнадцатилетний Илья, ставший большевиком, еще будучи гимназистом, приехал в Париж с адресами «товарищей», остановился в гостинице у скульптуры Бельфорского льва (вскоре перебрался в более дешевые меблирашки на улице Донфер-Рошери) и быстро нашел то кафе на авеню д'Орлеан (теперь авеню генерала Ле Клерка), где собиралась большевистская группа. Как свежий человек из Москвы, он был немедленно приглашен к Ленину и Крупской в их квартиру у парка Монсури (видимо, тогда Ленин и прозвал его Илья Лохматый). Войдя в парижскую группу содействия большевикам, Эренбург регулярно посещал собрания, рефераты, выступал в дискуссиях; познакомился с Каменевым, Зиновьевым, Луначарским, Лозовским и другими деятелями большевиков; стал постоянным читателем русской социал-демократической библиотеки на улице Гоблен. Он легко вписался в молодежный социал-демократический кружок, лидером которого была Елизавета Мовшенсон, будущая «серапионова сестра» Елизавета Полонская. Между тем отсутствие серьезных дел и задач, эмигрантская грызня и склоки действовали на Эренбурга отталкивающе. Человек иронический, с несомненным сатирическим даром, он легко подмечал смешные и нелепые стороны жизни окружающих. Эти наблюдения нашли выход в издании сатирических журналов «Бывшие люди» и «Тихое семейство». Их выпуск начался в конце 1909 года; журналы вызвали острый гнев Ленина; их редактор был отлучен от группы содействия. После этого главным делом его жизни стали стихи. Первая книга Ильи Эренбурга вышла в Париже в 1910-м и так и называлась – «Стихи». Ее тираж был всего сто экземпляров, но она не затерялась в России, где на нее откликнулся Валерий Брюсов и другие мэтры. Первые стихи о Париже открывали четвертую книгу Эренбурга «Будни» (1913) – едкие, подчас отталкивающие, откровенные стихи о трудной, неблагоприятной жизни поэта на городском «дне» – в русской поэзии (в отличие от французской) таких тем еще не было, недаром книгу запретили к ввозу в Россию...

Тебя, Париж, я жду ночами,
Как сутенер приходишь ты,
И грубо тискаешь руками
Все потаенные мечты.
И все, чем я был свеж и молод,
Тебе даю я, как гроши,
Чтоб ты насытил блудный голод
И похоть жадную души.

В Париже Эренбург заводит знакомства с живущими там постоянно либо наезжающими русскими поэтами – К. Бальмонтом, А. Толстым, М. Волошиным, Ф. Сологубом. Но, как и

прежде, он не замыкается в сугубо российский круг – читает французских поэтов, старых и новых, увлекается пантеизмом стихов Франсиса Жамма и переводит их, переписывается с Жаммом, а затем навещает его в Ортезе. Жамм был первый французский поэт, оказавший несомненное, хоть и кратковременное, влияние на Эренбурга. Упомянем здесь еще два парижских русских журнала, в создании и выпуске которых Эренбург играл существенную роль – художественный журнал «Гелиос» (1913) и поэтический – «Вечера» (1914). Денег на них не хватало, и обоих вышло всего по два номера.

Примерно с 1912 года Илья Эренбург вписывается в круг парижской литературно-художественной богемы, становится завсегдатаем парижских кафе «Клозери де Лиля» и «Ротонда», их полноправной достопримечательностью. Мир тогдашней «Ротонды» столь впечатляюще запечатлен в мемуарах Эренбурга «Люди, годы, жизнь», что ни одна нынешняя книга о Монпарнасе той эпохи не обходится без цитирования, пересказа или хотя бы ссылки на эту книгу. Именно в кафе Монпарнаса Эренбург познакомился со знаменитыми поэтами Гийомом Аполлинером, Максом Жакобом, Блезом Сандраром. В 1913 году Эренбург начал переводить новых французских поэтов; их, в частности Аполлинера, влияние на его собственную поэзию нетрудно заметить в книге «Стихи о канунах» (1916). Его переводы составили большую антологию «Поэты Франции. 1870–1913. Переводы И. Эренбурга», вышедшую в Париже в 1914 году и содержащую 74 стихотворения 29 поэтов от Малларме до Дорсенюса. Назовем также вышедшую в 1916 году в Москве в переводе Ильи Эренбурга книгу стихов Франсуа Вийона (к этой работе Эренбург вернулся через сорок лет, и она стала украшением его «Французских тетрадей»). Не менее важным, чем знакомство с французскими поэтами, стала для Эренбурга и дружба с парижскими художниками, обитателями «Ротонды». Это была именно дружба; она позволила писателю не только хорошо узнать их творчество, но и больше – понять современную живопись, сформировать безупречный художественный вкус. Список имен тогда еще не признанных художников Монпарнаса – дружба с ними продолжалась всю жизнь, несмотря на категорическое официальное неприятие их творчества в СССР, – включает самые громкие имена второго десятилетия XX века. Назовем лишь тех, кому Эренбург посвятил портретные главы в своих мемуарах: Пикассо, Модильяни, Шагал, Леже, Ривера... Когда в 1948 году в Варшаве Пикассо за сорок минут сделал знаменитый карандашный портрет Эренбурга и тот удивился: «Уже?» – Пикассо ответил: «Но я ведь тебя знаю сорок лет...»

Во Франции во время Первой мировой войны Эренбург-поэт становится журналистом, корреспондентом русских газет на франко-германском фронте. На его будущую публицистику существенно повлияли два французских автора – Жюль Валлес и Леон Блуа.

Когда в России грянула революция и политзаключенных царского времени освободили, Эренбург устремился домой: в июле 1917 года ему удастся покинуть Францию. Как оказалось, чтобы через четыре года туда вернуться...

8 мая 1921 года Илья Эренбург, обладатель советского паспорта, вернулся в Париж, но уже 26 мая его неожиданно выслали из Франции. Ему удалось обосноваться в Бельгии, потом перебраться в Берлин. В Париж Эренбург смог снова приехать лишь в сентябре 1924 года, после прихода к власти «левого блока» и правительства Эррио и в преддверии установления дипломатических отношений Франции с СССР. С тех пор и до июля 1940 года он жил в Париже.

Среди книг, написанных за эти годы Эренбургом в Париже, назовем три, непосредственно связанные с Францией, – исторический роман «Заговор равных» (1929) о том, как закончилась Великая французская революция. Затем составленная им совместно с писателем О. Савичем книга-монтаж «Мы и они. Франция» (1931) – русские писатели о Франции (в СССР книгу издать не разрешили, а ее берлинское издание в страну не допустили). И наконец, «Мой Париж» (1933) – книга нового жанра: синтез превосходных, живых, сделанных с помощью бокового видеоискателя фотографий и блистательных литературных очерков.

С 1932 по 1939 год Эренбург был постоянным корреспондентом московской газеты «Известия» в Париже...

14 июня 1940 года в Париж вступили гитлеровцы. Эренбург видел это своими глазами. Падение Парижа осталось одним из самых горьких событий его жизни; написанный тогда цикл пронзительных стихов «Париж, 1940» – из лучших у Эренбурга:

Глаза закрой и промолчи –
Идут чужие трубачи.
Чужая медь, чужая спесь.
Не для того я вырос здесь!

Именно тогда Илья Эренбург, переживший катастрофу Франции глубоко лично, задумал большой роман «Падение Парижа». Он написал его в Москве в 1940–1942 годах. Роман стал бестселлером в странах антигитлеровской коалиции (по-французски его издали и в Москве, и в освобожденном Париже, по-английски и в Лондоне, и в Нью-Йорке). В 1944-м генерал Де Голль, встречавшийся с Эренбургом во время своих вояжей в Москву, наградил его орденом Почетного легиона.

В 1946 году Эренбург совершил первую большую поездку по Франции после Победы, которая обернулась холодной войной, и Эренбурга потом впустили во Францию только с началом «оттепели», в 1954-м... В годы «оттепели», когда в СССР стали образовываться Общества дружбы с зарубежными странами, Эренбург заслуженно стал первым президентом общества «СССР – Франция». Он очень многое сделал для укрепления культурных связей с Францией – писал предисловия к книгам Сартра, Роже Вайяна, Ива Фаржа, Элюара, Д'Астье; организовывал имевшие огромный успех выставки Пикассо, Марке, французской книги и репродукций, показы французских фильмов. В 1958 году Эренбург добился издания в Москве своей книги «Французские тетради» – сборника блестящих эссе и конгениальных переводов из Вийона, Дю Белле, старых французских песен; есть там и статьи о его любимых импрессионистах, и о рисунках Пикассо, и о стихах Элюара. Именно они составляют книгу, которую вы держите в руках.

2. На пути к мемуарам

В 1956 году Эренбург напечатал в «Знамени» вторую часть повести «Оттепель», разочаровавшую многих читателей; спустя какое-то время он даже заговорил о том, что собирается писать третью часть, но, поразмыслив, отказался от этого. Более того, в шестидесятые годы в последнее собрание своих сочинений включил только первую часть этой повести, давшей название послесталинской эпохе. Принимая решение больше прозы не писать, Эренбург знал, какая огромная работа ему предстоит – речь шла о его мемуарах, замысел которых время от времени посещал его, и на создание которых у него ушло семь последних лет жизни. До того как окончательно решиться засесть за этот огромный труд, Эренбург писал эссе, вступительные статьи и т. д., подсознательно оттягивая начало капитального труда. Не исключено, что ему нелегко было определиться, пришло ли время сесть за эту работу (т. е. дадут ли ему возможность ее напечатать). Очерки и статьи о Цветаевой и Бабеле, о Лапине, о Слуцком и об Элюаре стали до некоторой степени предмемуарной пробой пера. Они же прояснили вопрос: готово ли едва оттаявшее общество воспринять разговор писателя о времени и о себе и позволят ли ему осуществить этот разговор власти. Несомненный читательский успех и вместе с тем противодействие идеологического аппарата – вот основные выводы, которые сделал для себя Эренбург. Книгу «Французские тетради» можно считать тем полустанком, что расположился между «Оттепелью» и мемуарами «Люди, годы, жизнь».

Значительная часть всей эссеистической работы Эренбурга 1955–1958 годов связана с французской темой. Он много писал о французской культуре, нередко пользуясь понятным думающим читателям эзоповым языком, однако грамотные аппаратчики ЦК довольно быстро его раскусили – об этом можно судить уже по тому, что, скажем, о статье «Уроки Стендаля» было принято специальное осуждающее ее постановление ЦК КПСС...

Но обо всем по порядку.

В следующей за «Оттепелью» литературной работе Эренбург вернулся к давним (еще 1915 года) переводам из Франсуа Вийона и заново перевел отрывки из «Большого Завещания» и ряд баллад, а также написал статью о французском поэте (Иностранная литература. 1957. № 1). Это, наряду с эссе «К рисункам Пабло Пикассо» (Иностранная литература. 1956. № 10), положило начало его «Французским тетрадям» – книге эссе и переводов 1955–1957 годов.

Замысел собрать французские переводы и статьи о писателях и художниках Франции под одной обложкой возник, по-видимому, в самом начале 1957 года, когда две статьи из будущего сборника уже были напечатаны в журнале «Иностранная литература». В феврале 1957 года Эренбург написал для третьего выпуска альманаха «Литературная Москва», который вскоре запретили, рассыпав его набор, статью «Импрессионисты» (незадолго до того полотна этих французских художников наконец выпустили из запасников наших музеев, и они очаровали новые поколения поклонников живописи). А 22 марта 1957-го Эренбург закончил «Уроки Стендаля» и принялся за статью «О некоторых чертах французской культуры» (она стала, по существу, развернутым предисловием к «Французским тетрадям»). В сентябре 1957 года рукопись книги была готова и сдана в издательство «Советский писатель».

«Французские тетради» естественно вписываются в литературную работу Эренбурга 1950-х годов, занимая в ней существенное место. Писатель был твердо убежден (на внешний взгляд, может быть, и несколько наивно), что в стране, где уничтожена религия, лишь искусство может возродить нравственность и, как он говорил, реабилитировать совесть. Отсюда его каждодневная настойчивая борьба за право искусства быть самим собой, независимо от того, что думают на сей счет невежественные партократы. Даже в самые мрачные сталинские годы Эренбург делал все, что позволяли его тогдашние возможности, чтобы не были наглухо перекрыты каналы связей с западной культурой; он никогда не скрывал своих вкусов и неизменно

добивался, чтобы имена Пикассо и Матисса не вычеркивались из его выступлений. Так, еще в статье «Писатель и жизнь» (1951) Эренбург, вспоминая о встрече с Анри Матиссом (чьи полотна, естественно, были тогда в СССР под запретом), привел его рассказ о том, что есть подлинное искусство, а что – лишь пошлая подделка под него, – и это напечатали! В послесталинское время, несмотря на отчаянное сопротивление влиятельных блюстителей чистоты соцреализма в советском искусстве, поле просветительской деятельности Ильи Эренбурга значительно расширилось. Поколение, сформировавшееся в СССР в шестидесятых годах XX века, многим обязано Илье Эренбургу в своем культурном развитии. Заинтересованное читательское внимание неизменно сопутствовало этой эренбурговской работе, равно как и злобное «непонимание» охранительной критики.

3. «Уроки Стендаля» (поклонники и противники)

Из всех «Французских тетрадей» в советской прессе особенно досталось «Урокам Стендаля», не меньше, чем тогдашним статьям Эренбурга о стихах Б. Слуцкого, прозе И. Бабея и поэзии М. Цветаевой (внимание власти к отечественной литературе и суждениям о ней было, пожалуй, более пристальным, чем к иностранной классике). Во всех этих выступлениях писателя усматривалась попытка подрыва краеугольных идеологических установлений.

23 марта 1957 года Эренбург писал в Ленинград своему старому другу поэтессе Елизавете Полонской: «Я борюсь, как могу, но трудно. <...> Я долго сидел над двумя статьями. Сначала написал о французских импрессионистах, а вчера кончил статью о Стендале. Это, разумеется, не история, а все та же борьба».

«Уроки Стендаля» были написаны для вдумчивого читателя, которому было о чем задуматься и что вспомнить, читая в статье: «...дело не в личности тирана, а в сущности тирании. Тиран может быть умным или глупым, добрым или злым – все равно он всесилен и бессилен, его пугают заговорами, ему льстят, его обманывают; полнятся тюрьмы, шепчутся малодушные лицемеры, и твердеет молчание, от которого готово остановиться сердце». Мысль эренбургской статьи вела читателя к раздумьям о современности, о том, что должна вернуть себе русская литература: «Искажение души насилием, лицемерием, подачками и угрозами было большой, может быть, основной темой романов Стендаля. Он не пытался скрыть свои политические симпатии; роль беспристрастного арбитра его не соблазняла. Удача его романов показывает, что тенденциозность не может повредить произведению искусства, если она рождена подлинной страстью и сочетается с внутренней свободой художника».

«Уроки Стендаля» не научное исследование, и Эренбурга легче всего обвинить в субъективности; он пишет о том, что ему близко и дорого в Стендале («Он не хотел смотреть человеческую комедию из ложи бельэтажа, он сам ее играл»; «Бейль (Стендаль – псевдоним Анри Бейля. – Б. Ф.) жил не для литературы, но его жизнь позволила ему стать большим писателем»; «Политика была для Стендаля одной из человеческих страстей, большой, но не всепоглощающей»; «Стендаль любил свою родину, но он не выносил ни лживых похвал, ни лжепатриотической шумихи...»). Вместе с тем на примере Стендаля Эренбург говорит о проблемах, остроту которых история оставляет неизменно актуальной: «Спор о космополитизме Стендаля – это давний спор о подлинном характере любви к родине: связана ли такая любовь с пренебрежением к другим народам, с восхвалением пороков и недостатков соотечественников, с анафемами и здравицами», или: «Он говорил, что все человеческие несчастья происходили от лжи, работа писателя была для него служением правде. Он хотел примирить справедливость с той свободой, которая ему представлялась неотделимой от человеческого счастья... Он писал: “Нужно научиться не льстить никому, даже народу”». Прочитывается в «Уроках Стендаля» и несомненный спор с Фадеевым, который настойчиво подчеркивал героическое начало в героях Стендаля.

«Уроки Стендаля» уже 24 марта 1957 года в составе шестого номера «Иностранной литературы» были сданы в набор. Когда номер журнала читали в Отделе культуры ЦК КПСС, некоторые фразы в эссе Эренбурга, напрямую связанные с советской литературой, вызывали у чиновников-ортодоксов ярость (например: «Если это – критический реализм, – говорилось о Стендале, – то я до конца моей жизни буду ломать себе голову, что же его отличает от художественных методов того революционного и гуманного реализма, к которому стремятся теперь передовые писатели мира?» – или особенно возмутившая литаппаратчиков реплика о Стендале: «Живи он сейчас у нас, его, наверно, долго не принимали бы в Союз писателей...»). Если сравнить тексты «Уроков Стендаля», напечатанные в «Иностранной литературе» и во «Французских тетрадях», то приведенные выше фразы можно сыскать только в журнальной

публикации: имея твердые указания ЦК, издательство потребовало от Эренбурга их убрать – не желая дразнить гусей, писатель вынужден был снять фразы, не имеющие прямого отношения к Стендалю.

2 августа 1957 года на Старой площади была сочинена «Записка отдела культуры ЦК КПСС об ошибках в статье И. Г. Эренбурга “Уроки Стендаля”», содержащая массу цитат из «Уроков Стендаля» и из статьи Эренбурга «14 июля», напечатанной в журнале «Новое время». Вывод был таким: «Отдел культуры ЦК КПСС считает, что подобные выступления в печати наносят идеологический вред. Следовало бы указать главному редактору журнала “Иностранная литература” т. Чаковскому и главному редактору журнала “Новое время” т. Леонтьеву на ошибочность опубликованных ими в таком виде статей И. Эренбурга и необходимость более требовательного подхода к публикуемым материалам. Было бы целесообразным рекомендовать редакции “Литературной газеты” выступить с критикой неправильных утверждений И. Эренбурга».

На «Записке» есть помета чиновника, что помощнику секретаря ЦК П. Н. Поспелова напоминали о ней 10, 17 и 23 августа. Но 22 августа «Литературная газета» уже исполнила указание ЦК КПСС, опубликовав статью молодого питерского литературоведа Н. А. Таманцева «В чем же все-таки “уроки Стендаля”?», в которой академическая критика Эренбурга строилась на трех китах: 1) Эренбург пишет о Стендале вне контекста истории французской литературы XIX века, 2) Эренбург игнорирует продиктованность книг Стендаля правильным пониманием его гражданского долга, 3) Эренбург игнорирует достижения советского стэндалеведения. Соображениями такого рода Таманцев пытался убедить читателей в том, что Эренбург преуменьшил значение и роль Стендаля во французской и мировой литературе.

Уже на следующий день, 23 августа, правая парижская газета «Франс суар», у которой были с Эренбургом свои давние счеты, поместила изложение статьи Таманцева под заголовком «Он не принимает Стендаля всерьез» (имелся в виду, конечно, Эренбург). Именно эта публикация вынудила Луи Арагона выступить в защиту Эренбурга, и он сделал это с характерным для него темпераментом и блеском. В статье «Стендаль в СССР и живое зеркало» (*Les lettres françaises*, 19–25 IX 1957) Арагон писал: «Таманцев нагромоздил необоснованные обвинения против манеры Эренбурга трактовать не “историко-литературный материал”, а великих французских писателей XIX века. Да будет нам здесь, в Париже, разрешено быть менее чувствительными к этому вопросу, чем Таманцеву. <...> Таманцев упрекает Эренбурга главным образом в проявлении интереса к тому, что, не будучи всем Стендалем, является как раз для него характерным. И если я совсем не знаю, был ли бы в наши дни живой и пишущий в СССР Стендаль членом Союза советских писателей, то я зато хорошо знаю, что, даже будучи членом этого союза, он бы за каждое написанное им слово подвергался проработке со стороны всех Таманцевых». Арагон ясно понял, что статья Таманцева – лишь звено новой идеологической кампании, и сказал об этом без обиняков: «Обвинение против Эренбурга выходит далеко за пределы статьи о Стендале. <...> Сомнению подвергается весь Эренбург, его предыдущие статьи, само его творчество».

Номер «Леттр франсез» со статьей Арагона еще не поступил в Москву, а редактор «Иностранной литературы» А. Чаковский уже доносил в ЦК КПСС в письме под грифом «Совершенно секретно»: «Сообщаю, что по имеющимся сведениям в журнале “Леттр франсез” (еще не полученном в нашей редакции) напечатана резкая статья Л. Арагона, полемизирующая с выступлением “Литературной газеты” по поводу статьи И. Эренбурга о Стендале». Неудивительно, что, выступая на заседании президиума Союза писателей СССР, Чаковский каялся: «Ошибкой редакции была публикация статьи И. Эренбурга “Уроки Стендаля”, содержащей полемику с основополагающими принципами советской литературы». Кампанию против «Уроков Стендаля» решили продолжить. К ней подключились испытанные «бойцы литературного участка идеологического фронта» Е. Книпович и Я. Эльсберг. В статье Е. Книпович «Еще раз

об уроках Стендаля» (Знамя. 1957. № 10) Эренбургу предъявлялись политические обвинения; его допрашивали, «почему же именно сейчас, когда идет жестокий спор о методе социалистического реализма, он вдруг оказался столь “застенчивым в бою”, что даже имени социалистического реализма произнести не хочет?», ему советовали высказаться «прямо без игры в слова»; статья «Уроки Стендаля» рассматривалась как попытка использовать фигуру Стендаля для того, чтобы «высказать некоторые мысли о “назначении поэта”, о художнике и современности. Мысли не очень новые и очень неверные». 14 ноября 1957 года «Литературная газета» напечатала под заголовком «Точки над “и”» подробное изложение статьи Е. Книпович; заметка была подписана «Литератор» – указание ЦК КПСС о «критике неправильных утверждений И. Эренбурга» было, таким образом, исполнено, и записка отдела культуры с соответствующей пометкой сдана в архив.

4. «Французские тетради» выходят

Эссеистика Ильи Эренбурга 1956–1958 годов (а эта работа писателя была своего рода подготовкой к написанию будущих мемуаров «Люди, годы, жизнь») воспринималась официально только отрицательно. Выдерживать сдиржированные нападки автору было, конечно, нелегко, но читательская почта Эренбурга приносила ему вполне плюралистические отклики тех, для кого он работал (разве что резко враждебные суждения направлялись не автору, а непосредственно в редакции или прямо в компетентные органы).

Не могу не привести здесь большие цитаты из одного нетривиального письма Эренбургу, содержавшего отзыв об «Уроках Стендаля»; оно было написано 7 августа 1957: «Когда я прочитала Вашу статью о Стендале в “Иностранной литературе”, моей первой мыслью было писать к Вам. Не знаю, о чем именно – о себе, о книгах, об искусстве вообще, о нашей молодежи, о “Красном и черном”, о любви, о людях, которых я знаю, – словом, мне захотелось непременно с Вами говорить. Два дня я ходила с этой неотвязной мыслью – и вот, в результате Вы должны будете прочитать еще одно несуразное письмо из числа тех сотен, которые Вы получаете. Но я знаю, что Ваша профессия – “наблюдать человеческие сердца” и поэтому, может быть, Вам будет любопытно, что думает о жизни молодой советский литературовед, женщина, и притом человек не совсем обыкновенной судьбы. <...> Ваша статья о Стендале привлекательна для меня больше всего позицией: искусство, литература, слово о человеке, о его жизни в обществе вечны тогда, когда они шире и глубже тенденции дня. Любовь, честолюбие, революцию, страсти и чувства эпохи можно охватить только с каких-то очень широких и общегуманистических и общедемократических позиций; тогда Жюльен Сорель и Анна Каренина становятся вечными характерами. Этой широты мышления и видения нет ни в нашем искусстве, ни в литературе, ни в литературоведении, потому что в этом видят не достоинство, а порок. <...> Вот “Красное и черное”, вот юный Жюльен Сорель, пылкий, искренний, в чем-то добрейший, в чем-то хитрейший молодой человек. Он – дитя революции, революция сделала его судьбу сюжетом для Истории. Разве этот молодой человек незнаком нам сегодня? Разве у нас честолюбие перестало быть двигателем душ? Разве колесо Истории не раздавило сотни таких горячих голов, выбитых из захолустной жизни и устремившихся по незнакомым орбитам куда-то вдаль и ввысь? А сколько трагических любовных историй разыгрывается в нашей жизни, в каждой из которых запечатлевается история нашего общества!»

Эренбург долго находился под впечатлением от этого письма – и не столько потому, что читательница хвалила его работу и при этом была профессиональным литературоведом (сотрудником Института мировой литературы), но поскольку многие страницы письма были посвящены ее собственной жизни, однако... обсуждение этого сюжета уведет нас далеко в сторону (за подробностями отошлю здесь читателя к главе «Уроки Стендаля и Светлана Сталина» моей книги «Писатели и советские вожди» – Москва, 2008).

Что касается организованных ЦК КПСС атак прессы, то у Эренбурга было не так много способов бороться с ними; он их перечислял 17 августа 1958 года в своем отчасти демагогическом письме в Секретариат ЦК КПСС. Реально-то и был только один способ приостановить очередную кампанию – убедить верхний слой чиновников ЦК, что ее проведение сможет принести им больше неприятностей, чем выгод. Слова про обращение в суд, конечно, и есть чистая демагогия, но она должна была предотвратить столь же демагогический совет обращаться в советский суд. Эренбург писал: «В течение последнего года “Литературная газета” и различные литературные журналы выступают против меня с обвинениями, которые никак нельзя назвать товарищеской критикой. Приводя выхваченные из текста цитаты, критика меня обвиняет и в том, что я пишу с определенным политическим подтекстом (статья Литератора в “Литературной газете”), и в том, что я идеализирую буржуазный строй (статья Д. Старикова там же), и

в близости к позиции югославских и польских ревизионистов (статья т. Щербины в журнале “Москва”). Поскольку “Литературная газета” и журналы контролируются товарищами, которые проводят определенную групповую линию и вполне разделяют точку зрения авторов статей, направленных против меня, я лишен возможности ответить на предъявленные мне обвинения. Я не вправе злоупотреблять временем Секретариата ЦК КПСС и воздерживаюсь от других примеров. Конечно, я мог бы обратиться в Народный суд с просьбой защитить меня от клеветы. Но разбор такого дела мог бы быть использован нашими врагами, и, естественно, я не обращаюсь в органы советского правосудия. Мне остается единственный выход – запросить Секретариат ЦК КПСС, могу ли я при таких обстоятельствах продолжать литературную работу и могу ли я вести общественную деятельность, поскольку меня порочат не только как художника, но и как гражданина».

Письменный ответ на это письмо неизвестен, но начатую кампанию тут же свернули.

Еще в середине 1957 года Эренбург подготовил книгу своих эссе «Французские тетради» (в нее входили и «Уроки Стендаля») и передал ее в издательство «Советский писатель». Главным редактором издательства с 1951 года служил Н. В. Лесючевский, известный тем, что в предвоенные годы, работая редактором в Ленинграде, посадил немало писателей: его доносам особенно доверяли в НКВД (среди его жертв были поэты Н. Заболоцкий и Б. Корнилов). Таким доносчиком, видимо, симпатизировали карательные органы и полностью доверяли власти. Формально издательство «Советский писатель» подчинялось правлению Союза советских писателей, членом которого с его основания в 1934 году был Эренбург. Между тем издательство мытарилло его «Французские тетради» как хотело, требуя от автора массы необоснованных переделок текста. Издательство обвиняло Эренбурга в неклассовом подходе к французской культуре, требуя соответствующего уточнения многих мест его статей; сопротивляясь, Эренбург старался вносить формальные исправления, не нарушающие сути его текста (замечу, что в РГАЛИ, в фонде Эренбурга, хранятся одновременно льстивые и иезуитские письма Лесючевского к нему с массой демагогических придилок к «Французским тетрадям»). Стоит добавить, что Лесючевский был фигурой всевластной и совершенно непотопляемой в издательском мире. Именно в 1958 году его назначили председателем правления и директором издательства «Советский писатель».

«Французские тетради» сдали в набор 23 апреля 1958 года, а подписали в печать эту книгу небольшого объема лишь 7 октября 1958-го. Когда тираж отпечатали, грянул «пастернаковский кризис», вызванный присуждением поэту Нобелевской премии; имя Пастернака стало не упоминаемо в сколько-нибудь положительном контексте, и отпечатанный тираж «Французских тетрадей» задержали, выискивая новую крамолу.

Обсуждать вопрос о книге с Лесючевским Эренбург больше не считал возможным – терпение его лопнуло, и 9 декабря 1958 года он отправил письмо секретарю ЦК КПСС П. Н. Поспелову, которого знал со времен войны и который понимал нежелательность международных скандалов, связанных с его именем. Эренбург написал: «Чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня просить о Вашем содействии. Полтора года тому назад я передал в издательство “Советский писатель” мою книгу “Французские тетради” – переводы старых французских поэтов и критические статьи о французской культуре. Работа над этой книгой продолжалась чрезвычайно долго. Мне приходилось неоднократно, по просьбе издательства, вносить в текст различные изменения. Когда книга была уже отпечатана, издательство попросило меня снять имя Пастернака в одной из статей, где перечислялись различные представители лирики. Лист был перепечатан, книга сброшюрована и упакована, но, вопреки моим ожиданиям, не вышла в свет. В статье, посвященной поэзии Поля Элюара, имеется следующая фраза: “Много русских поэтов от Брюсова до Пастернака пытались перевести стихи Верлена “Сердце мое плачет”...” Когда издательство перепечатало одну из страниц, о которой я Вам выше рассказал, оно знало, что имя Пастернака имеется и в другой статье, как историческая справка о трудностях пере-

вода. Издательство не сочло такую справку предосудительной. Теперь я узнал от заведующего издательством т. Лесючевского, что стоит под вопросом выпуск книги. Мне кажется политически необоснованной боязнь упоминания имени Пастернака в качестве образца неудачного перевода.

Литературная работа становится для меня, как я полагаю не по моей вине, все более и более затруднительной. Я ждал выхода книги “Французские тетради” как некоторого подтверждения для советских и зарубежных читателей, что я еще существую как писатель. Теперь я теряю надежду на ее выход. Мне остаётся просить Вас, разумеется, если Вы согласны с моими доводами, сделать зависящее от Вас, чтобы книга вышла в свет».

О том, насколько Лесючевский со своим начальством был покладист, мы поймем уже из того, что еще перед новым, 1959 годом двадцать тысяч тиража «Французских тетрадей» (минимальный стандарт тогда был тридцать тысяч) разослали по магазинам, и Эренбург не без горечи надписывал книгу своим друзьям. А в 1959-м издание повторили, увеличив его тираж в полтора раза.

В третий (и последний при жизни автора) раз «Французские тетради» вышли в 1965 году в составе шестого тома Собрания его сочинений. Однако о Франции Эренбург написал еще много страниц – прежде всего, в мемуарах «Люди, годы, жизнь», где было немало глав, посвященных Франции, политическим событиям ее истории, деятелям ее культуры, науки, политики, с которыми Эренбург был дружен. В перерывах от работы над мемуарами Эренбург написал еще два эссе на темы «Французских тетрадей» – «О Гийоме Аполлинере» (1965) и «Читая Золя» (1966); их место в этой книге бесспорно.

И последнее. В Дополнениях к «Французским тетрадям» печатается также четырнадцать стихотворений Ильи Эренбурга, обращенных к Франции и написанных в 1940–1964 годах.

Борис Фрезинский

Французские тетради. Заметки и переводы

О некоторых чертах французской культуры

1

«Европа еще французская, но Франции уже нет», – писал в 1853 году П. А. Вяземский, друг Стендаля, человек, знавший и любивший Францию. Семь лет спустя английский критик Грег повторил слова Вяземского: «Трудно сказать, что создает большее впечатление полнейшего и глубочайшего вырождения Франции – ее политика или ее литература». В те годы были изданы «Возмездие» Гюго, «Госпожа Бовари» Флобера, «Цветы зла» Бодлера; на выставках можно было увидеть полотна Делакруа, Коро, Курбе, Домье, Мане; играла Федру Рашель; исполняли произведения Берлиоза; в научных кругах Европы говорили о работах физиолога Клода Бернара, химика Дюма, молодого микробиолога Пастера.

Вяземский или Грег не впервые отпевали Францию. Задолго до них этим занимались и английские пуритане, и немецкие романтики. Беркли возмущался низменным характером французской философии, а Клейст клеймил безнравственность французской поэзии. Что касается политиков, то они с давних пор неустанно твердили о вырождении Франции. Сообщая императрице Екатерине о взятии Бастилии, российский посол в Париже Симолин уверял, что пришел конец престижу и влиянию Франции.

О том, что «французы выродились», я слышал уже в моем детстве, когда шли разговоры о деле Дрейфуса, о различных аферах, или, как их тогда называли, «панاماх», о бесстыдстве Мирбо, написавшего «Дневник горничной». Между двумя мировыми войнами в Германии и в Испании, в Америке и в Англии что ни год появлялись политические статьи и философские трактаты, научные труды и хлесткие памфлеты, посвященные закату Франции. Каждый приводил свои доводы: одни говорили, что рост коммунизма доказывает нежизнеспособность этой страны, другие объясняли аферу Ставиского моральной порочностью французов, третьи доказывали, что Франция – страна рутины и застоя.

Люди, хоронившие Францию, часто говорили о литературе, об искусстве, ссылались на живопись Пикассо и Матисса, на проказы сюрреалистов, на александрийский скепсис Валери. Различные явления, связанные с социальными сдвигами, общими для всей Западной Европы, приписывались агонии французского гения. Когда нацистские войска вошли в опустевший Париж, моралисты различных стран не могли скрыть удовлетворения: они это давно предсказывали! Ни сопротивление народа, ни парижское восстание, ни быстрое восстановление Франции в послевоенные годы не заставили плакальчиков призадуматься. Разговоры о том, что «Франции уже нет», продолжаются.

Может быть, столь длительное и настойчивое стремление похоронить французскую культуру объясняется ее притягательной силой? Движение, захватившее передовую Германию в конце XVIII века и получившее название «Бури и натиска», стремилось утвердить национальный характер немецкой культуры. Сторонники этого движения выступали против преклонения перед Францией. Высмеивая тех немцев, которые слепо французили, они заодно пытались низвергнуть мастеров французской литературы, но при этом сплошь да рядом опирались на книги французских писателей и философов. Лессинг, выступая против Расина и Корнеля, ссылаясь на Дидро; да он и сам писал: «Мы редко освобождаемся от недостойного преклонения перед французскими образцами до того, как сами французы начинают отвергать эти образцы». Молодой Гёте, Шиллер, Гердер зачитывались книгами Руссо. «Буря и натиск» шли на Францию, но можно сказать, что в известной степени они шли из Франции.

Значение французской культуры для других народов нельзя объяснить особой одаренностью французов. Смешно говорить о постоянстве духовной гегемонии. Если в XVII веке

немецкие писатели подражали французам, то в XVI веке французские поэты не менее старательно копировали итальянцев и даже придумали глагол «петраркизировать». В конце XVIII века французское влияние на молодую русскую литературу было бесспорным; Вольтер, Гельвеций, Дидро, Руссо помогли Радищеву найти себя; в поэзии той эпохи легко найти отзвуки французского классицизма. Сто лет спустя русский роман, в свою очередь, оплодотворил французскую литературу; можно проследить влияние Толстого на Ромена Роллана, на Пруста, а Достоевского на Шарля-Луи Филиппа, Андре Жида, Мориака. Одна эпоха приходила на смену другой, менялись партитуры, менялись и фигуры у дирижерского пюпитра.

Ни Рабле, ни Ронсар, ни Фуке не могли сравниться с великими итальянцами Возрождения. Никто не осмелится сопоставить Агриппу д'Обинье с его современниками – Шекспиром и Сервантесом. Но и в эпохи, когда вся Европа глядела на Париж, культура Франции потрясала не величием или глубиной отдельных художников, а своей общей настроенностью, близостью к сомнениям и чаяниям других народов, если угодно – человечностью.

Обычно, когда говорят, что «Европа стала французской», вспоминают XVII век, классицизм, дворцы Версаля, копии которых выросли вокруг всех европейских столиц, распространность французского языка (Лейбниц сочинения, направленные против Франции, писал по-французски). Но в XVII веке рядом с именами Декарта, Паскаля, Расина, Мольера, Пуссена можно поставить и другие, не менее известные, – Ньютона, Спинозы, Рембрандта, Веласкеса, Кальдерона. Характер французских влияний в те времена определялся не блеском гениев, а устремлениями передового общества. Вокруг работ французских ученых и философов шли споры повсеместно, у них повсюду были друзья и враги; Декарта равно ненавидели и иезуиты, и протестанты.

Конечно, среди французов всегда были самодовольные глупцы, считавшие, что цивилизованный мир кончается за Рейном и за Альпами; особенно много развилось ограниченных националистов в буржуазном обществе; их высмеивали и Тургенев, и Герцен, и Достоевский. Но, говоря о чертах народного характера, я меньше всего имею в виду буржуазию. Суждения Деруледа о немцах мало чем отличаются от суждений немецкого националиста о французах. А французскому народу никогда не была свойственна неприязнь к чужестранцам.

В XVI веке испанец Сервет читал лекции в Париже о системе кровообращения (его сожгли протестанты в Женеве). Итальянец Джордано Бруно в Париже отстаивал материалистическую философию (его сожгли католики в Риме). В XV столетии Франция восхищалась бургундской школой скульпторов; ее основателем был голландец Клаус Слютер, которого пригласил в Дижон Филипп Отважный. Во Франции работали Леонардо да Винчи и Челлини. Конечно, в XVI веке ведущая роль Италии была общепризнанной, но и сто лет спустя, когда вся Европа начала подражать французскому классицизму, Франция по-прежнему стремилась привлечь к себе ученых и художников других стран. Голландский физик Гюйгенс стал президентом Французской академии и шестнадцать лет проработал в Париже. В парижской обсерватории работали итальянец Кассини и датчанин Ремер. Французов, живших в век Людовика XIV, не смущало, что премьер-министр Франции – свеженатурализованный итальянец Мазарини, что залы Луврского дворца расписывает итальянец Романелли, что Париж украшается статуями фламандцев, швейцарцев, итальянцев.

Французские санкюлоты послали в Конвент пруссака Клоотса только потому, что он проповедовал всеобщее братство народов. Конвент присвоил Шиллеру звание почетного гражданина Французской республики, как «другу свободы».

Помню, юношей в Париже я увидел взрыв народного гнева. Я шел по площади Клиши и сочинял какие-то вздорные стихи, когда вдруг все вокруг потемнело от людей – десятки тысяч парижан хотели прорваться к испанскому посольству, возмущенные казнью вольномыслящего Ферреро. Полиция их не пропускала. Толпа повалила омнибусы, начала строить баррикады. Много лет спустя то же самое повторилось при известии о казни Сакко и Ванцетти. Нет у

французов (я говорю, конечно, о тех, которые достойны так называться) национальной ограниченности: они способны проглядеть свое несчастье и вознегодовать от чужого горя.

Иностранец не чувствует себя во Франции одиноким. Карамзин приехал в Париж в годы революции. Время было нелегкое. Казалось бы, Франция санкюлотов должна была оттолкнуть русского писателя, который придерживался умеренно либеральных взглядов; однако он писал: «Я хочу жить и умереть в моем любезном отечестве; но после России нет для меня земли приятнее Франции, где иностранец часто забывает, что он не между своими». Четверть века прожил в Париже Гейне, и его друзьями были Бальзак, Жорж Санд, Берлиоз, Дюма. Мицкевич во Франции был окружен глубокой любовью простых людей и прославленных деятелей культуры – Давида Анжерского и Жорж Санд, Ламенне и Кине. Тургенев стал лучшим другом Флобера, к словам русского писателя прислушивались Мопассан, Золя.

Французы всегда умели привлекать к своей культуре пришельцев из других стран. Одним из крупнейших французских философов XVIII века был уроженец Германии Гольбах. Итальянец Люлли создал французскую оперу. Польша Мария Кюри сыграла большую роль в развитии французской физики. Если взять историю французской живописи за последние сто лет, то найдешь немало имен, экзотичных для французского уха: англичанин Сислей, голландец Ван Гог, испанец Пикассо, итальянец Модильяни, русские Шагал и Сутин. Казалось бы, язык – непреодолимая преграда, но уроженец Кубы Эредиа стал одним из видных поэтов-парнасцев, грек Пападиаментопулос, подписывавший стихи псевдонимом Жан Мореас, – известным поэтом-символистом, а поляк Костровицкий, он же Гийом Аполлинер, определил во многом развитие французской поэзии нашего века.

Все знают, что Франция, как и другие государства Западной Европы, захватила в свое время богатые земли Африки, Азии, Америки. Французская буржуазия в своей алчности и свирепости не уступала английской, испанской или голландской. Французы разоряли Индокитай и Конго, Тунис и Мадагаскар. С каким бы флагом ни приходили завоеватели, они остаются завоевателями. Но если в Англии большой поэт Киплинг прославил колониализм, то Киплинга во Франции не нашлось. Сто лет назад Гюго в стихотворении «Цивилизация» заклеил колонизаторов. Но и задолго до этого принципы равенства и человеческой солидарности были провозглашены лучшими представителями французской культуры. В 1729 году Монтескье писал: «Если бы я знал что-либо полезное мне, но вредное моей семье, я бы это отстранил. Если бы я знал что-либо полезное моей семье, но не моей родине, я постарался бы об этом забыть. Если бы я знал что-либо полезное моей родине, но несущее опасность Европе или что-нибудь полезное Европе, но несущее опасность человечеству, я рассматривал бы это как преступление».

В XX веке, когда особенно остро проявились противоречия между подлинной французской культурой и колониальной политикой буржуазии, все чаще и чаще стали раздаваться голоса писателей, возмущенных алчностью, жестокостью, слепотой колонизаторов. Задолго до освободительной войны Вьетнама Андре Виолис описала зверства французских колонизаторов в Индокитае. Книга любимого писателя буржуазных эстетов Андре Жида об изуверстве колониальных самодуров в Черной Африке прозвучала тридцать лет тому назад как обвинительный акт. Во время войны в Индокитае, окрещенной французским народом «грязной», кажется, ни один видный представитель французской культуры не осмелился взять сторону усмирителей. Против зверств в Алжире протестовали и протестуют писатели самых различных политических воззрений – от Арагона до Мориака, от Доменака до Сартра. Алжирская война потрясла совесть Франции, эта война стала открытой раной.

Мне хотелось бы отметить, что расизм несвойствен французам; французские расисты – и те стыдятся своих чувств: проповедуя ненависть к арабам, они театрально братаются с неграми, – им хочется показать, что Франция не Миссисипи. Я видел, как в англосаксонских странах расизм с детских лет отравляет сознание среднего человека; даже будучи сторонником гуманистических идей, он в повседневной жизни относится с предубеждением к людям, у

которых кожа другого цвета или нос другой формы. Французские колонизаторы грабили жителей колоний, как все колонизаторы, но при этом они не ощущали себя представителями «высшей расы»; не случайно гитлеровцы, да и многие американские расисты, в сердцах называли французов «негроидами».

Будучи в Индии, я заехал в Пондишери – это бывшая французская колония. Граждане Пондишери высказались за присоединение к Индийской республике, и в Индии французы оказались умнее, чем в Индокитае, – они добровольно ушли. В музее Пондишери среди индийских богов я увидел перенесенный из мэрии бюст Марианны – Французской республики, украшенный гирляндой цветов, а на стенах портреты Гюго, Пастера, Ромена Роллана. Индийцы мне говорили о своей любви к французской культуре – колониальные чиновники не заслонили от них подлинной Франции.

Конечно, алжирские каратели, заседающие в различных «комитетах общественного спасения», не свалились с неба – во Франции всегда водились тупые шовинисты (слово «шовинизм», кстати, родилось от имени лихого участника наполеоновских походов Николаса Шовена). Но идеи национального чванства или расового превосходства не вдохновляли писателей Франции. Вольтер и Дидро вдоволь издевались над пороками французского общества и, когда их упрекали в отсутствии патриотизма, отвечали, что, говоря правду, служат как Франции, так и всему человечеству. Сто лет спустя о том же говорил Стендаль. Бесспорно, он еще в ранней молодости прочитал прекрасные слова одного из самых своих любимых авторов – Монтескье: «Нужно быть правдивым во всем, даже в том, что касается родины. Каждый гражданин обязан умереть за свою родину, но никого нельзя обязать лгать во имя родины».

Не в этой ли преданности общечеловеческим ценностям объяснение столь длительного и столь широкого по захвату притяжения к французской культуре?

2

Французы не создали ни Дон Кихота, ни Гамлета, ни Фауста. Подняв бунт против классицизма, французские романтики противопоставляли Корнелю и Расину Шекспира. Стремясь преодолеть документализм Золя или эстетизм Франса, французские романисты начала нашего века вдохновлялись Толстым и Достоевским. (Можно обшарить все девяносто французских департаментов (областей) – в них не найдешь князя Мышкина.) Тартюф не стал предметом философских дискуссий. Никто на свете не пытался подражать Жюльену Сорелю, Растиньяку или Эмме Бовари. Герои французских романов входили в жизнь читателей пестрой гурьбой не как «вечные образы», а как живые люди.

Если влияние французской литературы было огромным, то это объясняется прежде всего ее человеческим и социальным характером. Она не столько потрясала глубиной раскрытия, сколько будила воображение и волю народов, была скорее дрожжами, нежели мукой.

Спросите русского, кто крупнейший поэт России, он не колеблясь назовет Пушкина, как немец на однородный вопрос ответит – Гёте, англичанин – Шекспир. Пять французов назовут пять различных имен – Гюго, Лафонтена, Расина, Вийона, Бодлера. Литература потрясала и в самой Франции не особенностями творческого гения, а своей общей настроенностью. Французский эстет, в 1957 году потерявший свою индивидуальность, любит говорить об индивидуализме, якобы отличающем французов. На самом деле для французов характерны социальные наклонности, любовь к общению, потребность выйти на улицу, смешаться с толпой, поговорить и, конечно, поспорить. Стендаль, пустивший в ход словечко «эгоизм», ненавидел эгоизм, а Монтескье писал: «Для того чтобы создать нечто великое, вовсе не нужно быть великим, не нужно для этого быть над людьми, нужно быть с людьми».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.